

Татьяна Александровна Сметанина,
кандидат философских наук, доцент,
Нижегородский государственный педагогический
университет им. К. Минина
(603000, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1),
e-mail: TanSmetan@yandex.ru

Опыт традиционной культуры в становлении новой экологической этики

В статье даётся анализ перспектив традиционной экологической культуры. Исследуются разнообразные формы трансформации её опыта в современных социокультурных практиках, а также оценки её мировоззренческих оснований в научном дискурсе. Традиционное общество мыслило себя частью единого вселенского организма и строило свои отношения с миром природы на принципах взаимности. Этот этический аспект традиционного природопользования находит широкий отклик в массовом сознании современных постиндустриальных обществ. Экологическая культура традиционных обществ начинает рассматриваться более широко – как некая альтернатива существующей социокультурной организации, а также как форма индивидуального духовного самосовершенствования. Это проявляется в экофильских установках антиглобалистов, различных молодёжных субкультур, традиционных и нетрадиционных религиозных течений. Магическое отношение к миру и синкретизм, характерный для традиционных культур, присутствуют и в современном массовом сознании. Таким образом, архаический опыт трансформируется и приобретает футуристическое измерение. В современной философии существует широкий спектр оценок потенциала традиционной культуры. В статье анализируются теории глобализации и культурной унификации, коэволюции и устойчивого развития. Отмечается тенденция к преодолению антропоцентризма и дуализма субъекта и объекта во взаимоотношениях человека и природы, отказ от европоцентризма в пользу идеи множественности, неоднородности и ценности различных способов жизнедеятельности, освоенных человечеством. Процесс формирования новой экологической этики происходит путём сложного синтеза ценностных установок разных культур, в том числе, выработанных традиционными обществами.

Ключевые слова: природа, общество, традиционная культура, экологическая культура, субкультура, коэволюция, антропоцентризм

Вводная часть. Попытки осмыслить окружающий мир, сконструировать некую целостную его картину – извечная задача философствования. История культуры демонстрирует различные, часто весьма экзотические, на взгляд современного человека, результаты такой рефлексии. Специфическая картина мира определяла те социальные и хозяйственные механизмы, ценностные установки, которые включали членов традиционных сообществ в сложную систему взаимодействия с окружающим их миром.

Трансформация же социокультурных реалий, в свою очередь, меняет как направление самой философской рефлексии, так и отношение к ней со стороны общества. Осознание глобального характера современных экологических проблем, пришедшее в конце минувшего XX века, поиск путей устойчивого развития, новых оснований экологической этики способствова-

ли актуализации проблематики, связанной с традиционной экологической культурой, в научном сообществе, а также росту интереса к её опыту в массовом сознании индустриально развитых стран. Междисциплинарный характер исследований этого феномена свидетельствует о назревшей необходимости систематизации и теоретического осмысления накопленного опыта.

Целью данного исследования является анализ перспектив традиционной экологической культуры в современных реалиях и разнообразных форм трансформации её опыта в современных социокультурных практиках. В связи с этим необходимо осмысление мировоззренческих оснований самой традиционной культуры, а также спектра её оценок, представленных в научном дискурсе.

Методология и методы исследования. Междисциплинарный ракурс рассмотрения специфики экологической культуры

традиционных сообществ, вариантов её адаптации и модификации в условиях современного общества позволяет систематизировать разнообразные точки зрения на эту проблему. Исходя из многофакторности процесса становления современной экологической культуры, мы рассматриваем экофильские установки различных молодёжных субкультур, общественных движений, традиционных и нетрадиционных религиозных течений. Историко-генетический и сравнительный методы используются для выявления в них элементов и ценностных установок, близких к мировосприятию и экологической этике традиционных культур. Исследование опирается на концепции глобализации и культурной унификации, коэволюции и устойчивого развития.

Результаты исследования. Традиционное общество мыслило себя частью единого вселенского организма и строило свои отношения с миром природы на принципах взаимности. Этот этический аспект традиционного природопользования позитивно осмысливается в современных философских концепциях, стремящихся преодолеть жёсткий дуализм субъекта и объекта во взаимоотношениях человека и природы и строить их на основе диалога. Он также находит широкий отклик в массовом сознании современных постиндустриальных обществ.

Формы трансформации опыта традиционной экологической культуры в современных социокультурных практиках весьма разнообразны. Противники глобализации в её либерально-рыночной форме подчеркивают, что общество потребления, «презубая явным фактом экологической перегрузки нашей планеты, решительно отвергает всякие принципы аскетизма, этики, самоограничения, трудовой аскезы» и культивирует воспроизводство «ориентированных на гедонизм, телесные удовольствия эгоистических индивидов-потребителей» [3]. Таким образом, экологическая культура традиционных обществ начинает рассматриваться более широко – как некая альтернатива существующей социокультурной организации, а также как форма индивидуального духовного самосовершенствования, приобретающая футуристическое измерение.

В массовом сознании эта линия получила мощную поддержку благодаря романтизированным экофильским установкам раз-

личных субкультур. Это многочисленные вариации на тему защиты живой природы – вегетарианство, экологические поселения, объединения «зелёных»; молодёжные контркультурные течения, отрицающие идеал техногенной, урбанизированной культуры (от хиппи до толкиенистов); нетрадиционные религиозные движения неоязычников и других носителей сознания “Newage”, псевдоиндуистские течения и отечественные по происхождению последователи Порфирия Иванова, Виссариона, Анастасии.

В постсоветской России заметной тенденцией стала популяризация христианских ценностей, включающих в себя установку на самоограничение, регламентацию потребностей, идеал соборной гармонии на разных уровнях не только социального, но и вселенского бытия. В программный документ «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», принятый на Архиерейском Соборе в Москве в 2000 году, включён специальный раздел «Церковь и проблемы экологии». Там в качестве основополагающего для церкви принципа выступает цельность мироздания, взаимосвязь мира природного и человеческого, подчёркивается, что природа не может рассматриваться обособленно, как замкнутая структура. Отсюда – понимание несправедности эгоистически-потребительского к ней отношения: «С христианской точки зрения природа есть не вместительница ресурсов, предназначенных для эгоистического и безответственного потребления, но дом, где человек является не хозяином, а домоправителем, а также храм, где он – священник, служащий, впрочем, не природе, а единому Творцу» [9, с. 161]. Экологические проблемы, с точки зрения православия, носят антропологический характер, так как порождены они человеком, а не природой. Идея тесной взаимосвязи между духовным развитием, либо деградацией человека и состоянием окружающего его природного мира лежит в основе миропонимания любой традиционной культуры, и русской в том числе. Таким образом, возросший интерес к христианским ценностям актуализирует мировоззренческие установки, казалось бы, совсем вытесненные индустриальной, техногенной, урбанистической цивилизацией.

Обращение к православной традиции инициирует и возрождение обрядовых

форм, ценностных установок «народного христианства», являющегося, синтезом христианского вероучения с архаическими языческими верованиями. «Народное христианство», или «народное православие», сформировалось в недрах аграрного общества, существенную роль в нём играла аграрная магия. Ещё в XIX веке Россия оставалась страной, где преобладало сельское население, остававшееся во многом носителем традиционной крестьянской культуры. Её адаптация к современной урбанизированной культуре приводит к расстановке иных акцентов, переосмыслению крестьянской традиции. Календарные земледельческие праздники утрачивают свою тесную связь с хозяйственным циклом и приобретают функцию маркера, подчёркивающего принадлежность человека или сообщества к конкретной этнокультурной традиции, формируя культурную самоидентификацию. Религиозно-магическая функция, некогда присущая обрядам любого традиционного праздника, уступает место игровому началу, активно трансформируется под влиянием массовой культуры.

Но так ли отличается мышление носителя традиционной культуры и нашего современника? Магическое отношение к миру предполагало возможность человека направленно воздействовать на естественные и сверхъестественные силы. Обладая сакральными знаниями, используя определённую «технология» (обрядовые действия), человек рассчитывал на получение нужного результата. Как этот результат будет достигнут – оставалось для него тайной. Разве не так сегодня воспринимает массовый человек чудеса новых технологий? Чем дальше – тем менее он в состоянии осознать механизм их действия. В его жизненное пространство вторгаются иные реальности – виртуальные миры, цифровые, нанотехнологии. Пространство и время теряют привычные очертания. Мир одновременно сужается до «глобальной деревни» и расширяется до бесконечности на микро- и макроуровне. Место естественных природных сил занимает урбанизированное, техногенное пространство, которое формирует новую среду обитания, новые потребности и угрозы. Стремление управлять природными процессами и одновременно – ощущение беспомощности и полной зависимости от них, как это ни странно,

сближает психологию древнего язычника и современного человека. С этим во многом и связана та мифологизация, архаизация массового сознания, которую мы наблюдаем сегодня. Место леших, кикимор, водяных и русалок прочно занимают «барабашки», пришельцы, «хорошие» и «плохие» энергетические зоны и другие порождения техногенной жизненной среды мегаполиса [11, с. 26].

Синкретизм – ещё одна характерная для народной культуры черта, нашедшая вторую жизнь в культуре постмодерна. Для традиционной культуры новое не отменяет старого, а наслаивается на него, причудливо переплетаясь и уживаясь с, казалось бы, несовместимым наследием. Для народного христианства библейское представление о мире как творении божьем мирно уживалось с мифологическим одушевлением и персонификацией природных стихий. Антропоцентристская установка на господство человека, единственного наделённого душой, над остальным тварным миром ограничивалась и мирно сосуществовала с языческим мироощущением всеобщей взаимосвязи и родства.

Мозаичность постмодерна, умноженная на всеядность массовой культуры, которая тиражирует самые разные культурные модели, способствует утверждению синкретичности как важной черты и современного массового сознания. Разнообразные религиозные и этнические традиции, философские, научные, эзотерические концепции выступают для массового человека как равнозначные и равноценные. В сознании современного горожанина одновременно уживаются православие, гороскопы, знахари, экстрасенсы, фэн-шуй и программа общеобразовательной школы.

Обсуждение результатов исследования. Сегодня существует широкий спектр оценок потенциала и перспектив бытования традиционной культуры. Есть крайне пессимистичный взгляд на будущее локальных традиционных культур в мире глобализации. С этой точки зрения им остаётся мемориально-образовательная функция, роль «этнографической экзотики» или объекта экологического туризма. Данный подход исходит из объективных тенденций, определяющих развитие мировой экономики. По своему происхождению экологическая культура традиционных обществ – результат хо-

зяйственного освоения конкретной природной среды. Поэтому её жизнеспособность, перспективы дальнейшего существования на этой территории связаны с проблемой сохранения традиционной системы использования природных ресурсов. А это весьма проблематично, поскольку сегодня в мире активно формируется система глобально-природопользования. Эта тенденция заставляет исследователей ставить «вопрос о специфической форме этнического бытия, когда этнос существует генетически, но его культурная составляющая исчезающе мала» [2, с. 81].

Тем не менее, исследователи подчёркивают, что современная стадия социально-экономического развития «характеризуется бинарностью процессов в системе “человек – окружающая среда”: с одной стороны, и формы хозяйствования, и виды природопользования в мире характеризуются общими чертами развития, направленностью на унификацию и общую структурированность, т. е. налицо все характеристики глобализационных процессов; с другой – вряд ли где в мире можно найти регионы..., которые можно было бы назвать идентичными по структуре своего природопользования, т. е. процессы глобализации в природопользовании всё равно сохраняют региональную специфичность, обусловленную историческими процессами их развития» [1]. Для местного населения сохранение исторически сложившихся хозяйственных форм и народных промыслов имеет огромное и экономическое, и культурное значение. Вместе с тем, традиционные хозяйственные технологии и продукция, некогда игравшие важную роль в структуре жизнеобеспечения, сегодня часто меняют свою функцию. Например, они могут становиться брендами, определяющими туристическую привлекательность данной территории.

В современной оценке потенциала и перспектив традиционной культуры можно проследить и «руссоистскую» линию противопоставления естественного и цивилизованного человека, с тенденцией к идеализации традиционной культуры. На уровне философской рефлексии она отражается в позитивных оценках опыта и потенциала таких культур: «традиционные культуры были устойчивыми и экологически приемлемыми, не превышающими допустимую нагрузку на природу» [5]. В целом с такой

оценкой можно согласиться. Хотя историки и приводят отдельные примеры того, как экстенсивное земледелие и скотоводство уже в древности могли наносить непоправимый ущерб природной среде.

Уже в конце XX века в научном дискурсе формируются социально-экологические подходы, ориентированные на поиск баланса между обществом и природной средой: «зелёный капитализм», «устойчивое развитие», «экологическая модернизация». Д. Хубер в Германии, Г. Спаарген и А. Мол в Голландии, А. Вил в Великобритании разрабатывают концепцию перехода от «роста» к устойчивому развитию. Американские социологи Р. Данлэп, У. Каттон предлагают переход от старой (антропоцентрической) к «новой (экологической) парадигме», подчёркивая фундаментальную зависимость человека и общества от природной среды.

Новые стратегии взаимодействия общества и природы разрабатываются и отечественной философией. Одной из наиболее перспективных стала коэволюционная парадигма, рассматривающая это взаимодействие как совместное, сопряжённое развитие систем с взаимными селективными требованиями. Н. В. Тимофеев-Ресовский, Р. С. Карпинская, А. П. Огурцов, И. К. Лисеев, В. В. Мантатов, С. Н. Родин, В. В. Мангасарян, Н. Н. Моисеев и другие её сторонники намечают новые контуры экологической этики. Они исходят из того, что природа – не пассивный объект человеческой деятельности, а полноправный субъект коэволюции общества и природы. Открывается перспектива «онтологического диалога с природой, с действительностью вообще», а также возможность осмыслить «единство естественнонаучного и социогуманитарного знания, многообразных форм и видов культуры» [7, с. 5].

Такой подход задаёт новые ориентиры в формировании регулятивов культуры. Они не предполагают возврата к доминированию традиционности и корпоративности, свойственных архаическим культурам. Но во многом оказываются созвучны установкам традиционной экологической этики. И. К. Лисеев отмечает: «Происходит переход от установок на неограниченный прогресс, беспредельный экономический рост к представлениям о пределах роста, гармонизации экономической экспансии в природу с принципами экологического сдержи-

вания и запрета. Ориентации на прогресс и инновационность заменяются установками на стабильность, равновесность, устойчивое развитие с учётом пределов роста. От отношений господства, конкуренции, соревновательности намечается движение к идеалам сотрудничества, кооперации, «существования» [4, с. 143–144].

Преимущество с традиционной культурой акцентируют и сами авторы, разрабатывающие основания современной экоэтики: «В основе экологической этики лежит особая философская мудрость, выражением которой является, в частности, даосская концепция недеяния» [6, с. 37]. В качестве альтернативы европейскому антропоцентризму актуализируется проблематика древней восточной философии. Разнообразные её варианты базируются, в свою очередь, на идеалах гармонизации социального и природного начал, самоограничения потребностей человека, присущих традиционной культуре. Идеи взаимности, диалогичности, этической обусловленности осмысляются как важнейшие регулятивы социоприродного взаимодействия. «Именно в диалоге различных культур становится возможным синтез культурных традиций и инноваций, соответствующих требованиям коэволюционной парадигмы», – отмечает В. Н. Мангасарян, и «одним из условий этого процесса является распространение нравственных требований на отношения человека к природе» [7, с. 11–12].

Позиция, предлагающая концептуальный и этический отказ от антропоцентризма в качестве утилитарной поведенческой реакции, получает сегодня широкое распространение. В научном сообществе она классифицируется как биоцентризм, в противоположность социоцентризму, предполагающему переход к более высокой, просвещённой форме антропоцентризма [7, с. 9, 12]¹. Таким образом, критика разрушительных последствий существующей ныне стратегии природопользования выходит на уровень поиска новых ценностных оснований современной цивилизации. Ю. Г. Марков в аналитическом обзоре мировой научной литературы по экологии отмечает: «В социально-философской литературе уже

начинает просматриваться глубокая связь самой сущности нравственных отношений с экологическими основами бытия», – что позволяет размышлять о формировании «духовно-нравственной цивилизации, имеющей достаточно оснований называться экологической» [8, с. 3].

Выводы. Традиционная культура – локальна. Она являет собой традицию, органически и неразрывно связанную с конкретной территорией, с её неповторимым ландшафтом, климатом, фауной и флорой. Она делает этот природный мир неотъемлемой частью культуры, а человека – укоренённым в этом мире. Для современного жителя мегаполиса, да и сельского обитателя, это чувство почти утраченное. Традиционная культура содержит ценнейший для современного человека опыт контроля и сознательного самоограничения потребностей, опыт ответственности перед предками и потомками, перед всеми живыми существами, населяющими этот мир вместе с ним.

Конечно, суть современного экологического образования состоит не в возрождении культуры древних земледельцев и не в музеефикации их опыта. Даже заучив наизусть весь уклад жизни крестьянина, современный человек не станет носителем традиционной культуры. Задача состоит в адаптации её опыта к новым социокультурным условиям. Пока, к сожалению, этот процесс чаще идёт стихийно, на уровне мифологизации и архаизации обыденного сознания.

Философская рефлексия, дискуссии относительно ценностных оснований новой экологической культуры далеко не завершены. Важным достижением можно считать отказ от европоцентристских установок в пользу идеи множественности, неоднородности и ценности различных способов жизнедеятельности, освоенных человечеством. В пространство диалога включаются и социокультурные практики, выработанные традиционными сообществами. В условиях осознания нестабильности, неравновесности мироздания этот опыт вызывает всё больший интерес. Как отмечал И. Р. Пригожин, «нет... ничего удивительного в том, что новые вопросы, вливающие в науку свежие силы, часто исходят из традиций вопрошания, коренящихся в совсем иных культурах. А тот факт, что сегодня самые разные

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.azbyka.ru/osnovy-socialnoj-konceptcii-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi> (дата обращения: 09.01.2017).

культурные образования принимают участие в развитии научной культуры, является для нас источником новых надежд» [9, с. 49]. Процесс формирования новой эко-

логической этики происходит путём синтеза ценностных установок различных культур, в том числе, выработанных традиционными обществами.

Список литературы

1. Афанасьев О. Е. Глобализационные процессы в исследованиях истории регионального природопользования // Глобалистика – 2011: пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления: материалы II Междунар. науч. конгресса. М.: МГУ, 2011. Т. 2. С. 42.
2. Брачун Т. А., Сахибгоряев В. Х. Глобализация и реликтовый этнос: к вопросу о генезисе чукотской культуры // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 3. С. 81–85.
3. Кирвель Ч. С. Глобализационный проект унификации мира как эпохальная иллюзия // Россия: многообразие культур и глобализация. М.: Канон+: Реабилитация, 2010. С. 134–135.
4. Лисеев И. К. Новый образ природы и новые ценности цивилизации сотрудничества и ненасилия // Философия. Биология. Культура (работы разных лет). М.: ИФРАН, 2011. С. 128–148.
5. Мамыев Д. И. Священные земли коренных народов и духовная экология // Материалы V Рос. филос. конгресса. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 523.
6. Мантатов В. В., Мантатова Л. В. Экологическая этика как философский проект жизни // Гуманитарный вектор. Т. 11, № 1. 2016. С. 36–40.
7. Мангасарян В. Н. Природа – общество – культура: основания коэволюции (философско-методологический анализ). СПб.: Изд-во РХГА, 2011. 252 с.
8. Марков Ю. Г. Экология и этика: ориентиры цивилизационных перемен // Экология. Серия аналитических обзоров мировой литературы. 2011. № 96. С. 1–255.
9. Пригожин И. Р. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6.
10. Сметанина Т. А. Религия и наука в контексте ремифологизации современного массового сознания // Вестник Мининского университета. 2016. № 3. С. 26.
11. Thiele L. P. Nature and freedom: A Heideggerian critique of biocentric and sociocentric environmentalism // Environmental Ethics. 1995. Vol. 17. № 2.

Статья поступила в редакцию 21.01.2017; принята к публикации 18.03.2017

Библиографическое описание статьи

Сметанина Т. А. Опыт традиционной культуры в становлении новой экологической этики // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2017. Т. 12, № 3. С. 175–181.

Tatyana A. Smetanina,

*Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Kozma Minin State Pedagogical University of Nizhny Novgorod
(1 Ulyanov st., Nizhny Novgorod, 603000, Russia),
e-mail: TanSmetan@yandex.ru*

Experience of Traditional Culture in the Development of New Environmental Ethics

This article analyzes the prospects for traditional ecological culture, studies various transformation forms of its experience in contemporary socio-cultural practices and assesses its philosophical basis in scientific discourse. Traditional society considered itself as part of the Ecumenical body and built its relationships with nature on the principles of reciprocity. The ethical aspect of traditional nature use resonates in popular consciousness of modern postindustrial societies. Ecological culture of traditional societies is considered as an alternative to the existing socio-cultural organization and a form of individual spiritual self-improvement. This is evident in ecophyll directives of anti-globalists, youth subcultures, traditional and non-traditional religious movements. The magical attitude to the world and syncretism, characteristic of traditional cultures, are present in the contemporary mass consciousness. Archaic experience is transformed and acquires a futuristic dimension. In modern philosophy there is a wide range of assessments of the traditional culture capacity. The article analyzes the theories of globalization, cultural unification, co-evolution and sustainable development. There is a tendency to overcome anthropocentrism, the duality of the subject and object in the relationship of man and nature as well as to reject

Eurocentrism in favor of the idea of multiplicity, heterogeneity, and the value of different ways of life created by mankind. The process of forming a new environmental ethic involves a complex synthesis of value orientations of different cultures, including the values developed by traditional societies.

Keywords: nature, society, traditional culture, environmental culture, subculture, CoEvolution, anthropocentrism

References

1. Afanas'ev O. E. Globalizacionnye processy v issledovanijah istorii regional'nogo prirodopol'zovanija // Globalistika – 2011: puti k strategicheskoj stabil'nosti i problema global'nogo upravlenija: materialy II Mezhdunar. nauch. kongressa. M.: MGU, 2011. T. 2. S. 42.
2. Brachun T. A., Sahibgorjaev V. H. Globalizacija i reliktovyj jetnos: k voprosu o genezise chukotskoj kul'tury // Gumanitarnye i social'no-jekonomicheskie nauki. 2010. № 3. S. 81–85.
3. Kirvel' Ch. S. Globalizacionnyj proekt unifikacii mira kak jepohal'naja illjuzija // Rossija: mnogoobrazie kul'tur i globalizacija. M.: Kanon+: Reabilitacija, 2010. S. 134–135.
4. Liseev I. K. Novyj obraz prirody i novye cennosti civilizacii sotrudnichestva i nenasilija // Filosofija. Biologija. Kul'tura (raboty raznyh let). M.: IFRAN, 2011. S. 128–148.
5. Mamyev D. I. Svjashhennye zemli korenyh narodov i duhovnaja jekologija // Materialy V Ros. filos. kongressa. Novosibirsk, 2009. T. 2. S. 523.
6. Mantatov V. V., Mantatova L. V. Jekologicheskaja jetika kak filosofskij proekt zhizni // Gumanitarnyj vektor. T. 11, № 1. 2016. S. 36–40.
7. Mangasarjan V. N. Priroda – obshhestvo – kul'tura: osnovanija kojevoljucii (filosofsko-metodologicheskij analiz). SPb.: Izd-vo RHGA, 2011. 252 s.
8. Markov Ju. G. Jekologija i jetika: orientiry civilizacionnyh peremen // Jekologija. Serija analiticheskikh obzorov mirovoj literatury. 2011. № 96. S. 1–255.
9. Prigozhin I. R. Filosofija nestabil'nosti // Voprosy filosofii. 1991. № 6.
10. Smetanina T. A. Religija i nauka v kontekste remifologizacii sovremennogo massovogo soznaniya // Vestnik Mininskogo universiteta. 2016. № 3. S. 26.
11. Thiele L. P. Nature and freedom: A Heideggerian critique of biocentric and sociocentric environmentalism // Environmental Ethics. 1995. Vol. 17. № 2.

Received: January 21, 2017; accepted for publication: March 18, 2017

Reference to the article

Smetanina T. A. Experience of Traditional Culture in the Development of New Environmental Ethics // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Social Sciences Series. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 175–181.